

АРМЯНСКИЙ СЛЕД

Продолжение. Начало на стр. 1

Проснувшись утром, решил принять душ. Вода без напора, но терпимо. Благо, что вообще есть. VIP как-никак! Отмывшись не столько от грязи, сколько от плохого вчерашнего настроения, я направился к двери. Но и тут меня ожидал подвох: дверь из ванной в комнату не открывалась изнутри. Крутил-вертел ручку двери — все никак. Попытка сломать дверь ногой — тоже тщетно. Оставалось только кричать. И кричать как можно громче. Ведь я находился не просто внутри комнаты, а в ванной. Иначе говоря, окружен двум оболочками. И если меня даже кто-то услышит, то ломать сначала придется дверь в комнату, а уже затем и дверь в ванную. Минут через 20 я понял, что мои усилия были не напрасны. Кто-то из проходящих по коридору услышал меня и позвал ребят с ресепшна, которые освободили меня из заточения. Оказалось, мой номер предназначался для двух персон. Предполагалось, что у того, кто принимает душ за закрытой дверью, есть тот, кто поможет ему выйти из ванной, откроет дверь снаружи. Если изнутри хлопнуть дверью, то ее уже не открыть. Такая головоломка по-африкански!

ЯЙЦА КАДДАФИ

Вскоре за мной заехал Жирайр и мы вместе отправились колесить по городу. Объехали почти весь Хартум. Снимать приходилось из окна автомобиля, чтобы не попадаться на глаза полицейским и

из Судана, — обратился ко мне Мухаммед, вдруг перешедший на «ты», как к давнишнему знакомому.

Я решил поддержать такое обращение. Ведь на африканском востоке переход на «ты» есть высшая степень доверия между людьми.

— А кто же твои потенциальные покупатели, если иностранцы к вам не заглядывают? — удивился я обилию товаров.

— Местные. Здесь не столько сувениры, сколько изделия ремесленников. Только ручная работа.

Действительно. Я не обратил внимания, что ассортимент лишен тех безделушек, что в других странах — магнитиков, тарелочек, фабричных статуэток. Только hand-made из кожи, дерева, тканей и плодов растений. Одна из стоек была заставлена глиняными фигурками людей и животных.

Хартумский район аль-Абьяд

С жителем Омдурмана

Местный аристократ

военным. В столице гражданская война. После военного переворота и ареста президента Судана Омара аль-Башира власть перешла к военным под руководством Абдаллы Хамдука. Изначально же они должны были возглавить временное переходное правительство, но задержались так, что де-факто узурпировали власть. Вот и приходится суданцам воевать против новой власти после суда над старой. Только делают они это как-то элегантно: массовые протесты происходят исключительно по воскресным дням и понедельникам. Пятница и суббота в Судане — нерабочие дни. Местные жители проводят их дома. Воскресенье и понедельник — первые рабочие дни. Они же политические. Несогласная масса на улицах. Среди них и криминальные элементы. А это значит погромы, поджоги, нападения на военных и полицейских. Те, в свою очередь, открывают огонь, применяют слезоточивый газ. Лишь со вторника до четверга честной люд занят работой. Если таковая есть. По статистике, занятость населения Судана составляет всего 40%.

Конечно же, перспектива знакомства с Суданом из окна автомобиля меня, мягко говоря, не впечатляла. Каждый раз приходилось придумывать небылицы, чтобы Жирайр не заезжал за мной. Дескать, писанины много. Сам же выдвигался в город, снимал, знакомился с местными жителями, заходил в забегаловки, где проводят время простые хартумцы за чашкой вкусного суданского чая. С агрессией сталкиваться не приходилось. Напротив, суданцы настроены дружелюбно, удивлялись моему приезду в Судан. И дело не в гражданской войне. В эту страну туристы не ездят. К примеру, Мухаммед, с ним я познакомился в одной из забегаловок, выслушав мои рассказы о других странах, где я уже «наследил», повел меня в свою святая святых — сувенирную лавку, хозяином которой он является.

— Бери, что понравится. Все, что выберешь, будет тебе памятным подарком

— Вот этого слоника приму в подарок, — указал я на фигурку из черного камня.

— Нет проблем, — ответил Мухаммед. — Но мне бы хотелось подарить тебе что-то нужное. Какой прок с этого слоника!?

Мухаммед подошел к другому прилавку, достал из-под стекла три портмоне и вместе со слоником поместил все это в целлофановый пакет.

— Вот, пожалуй, такой подарок будет очень кстати, — сказал он, протягивая мне кулек.

— Спасибо, конечно. Но зачем мне три портмоне? Мне и одного хватит. Забери два. Продашь кому-нибудь.

Мухаммед оставался непреклонным:

— Так они все разные. Одно портмоне из крокодильей кожи, второе из кожи питона, а третье гадючье. Оставляй себе то, что больше нравится, остальные подарить друзьям.

На том и сошлись. Конечно, я бы с радостью прикупил что-то другое, но не стал заглядывать «в зубы дареному крокодилу».

Мухаммед внешне выглядел не так, как сотрудники моего отеля. Он был менее смуглым, чертами походил на пред-

ставителей Ближнего Востока. Только чернявый. Представители такой расы называются суданскими арабами и составляют основное население страны. Их 70%, они потомки завоевателей арабов и аборигенов-нилотов, относящихся к негроидной расе. Юноша же и охранник из отеля были самыми настоящими нилотами. Оттого и кожа черна как смоль, и ростом высоки. Этим нилоты отличаются от многих африканских народов и похожи на нубийцев — других аборигенов Судана, с которыми мне тоже доводилось сталкиваться и общаться. Эти мастера приготовления чая.

Каждое утро у меня начиналось с того, что за мной заезжал Жирайр и мы вместе колесили по Хартуму. «Наивный человек», — думал я о Жирайре, когда он рассказывал мне из кабины своей машины об улочках, зданиях, храмах... Он,

Отель «Коринтия»

оставляя меня в отеле, даже не догадывался, что каждый раз я сам бродил по городу. И не только по Хартуму, но и его городу-спутнику Омдурману, находящемуся за Нилом. Кстати говоря, в Хартуме почти нет достопримечательностей. Все они за пределами города. Например, нубийские пирамиды в городке Мероэ или гробница махди Мухаммеда Ахмада в Омдурмане. Хартум вообще не тот город, чтобы можно было в него влюбиться. Большая часть суданской столицы одноэтажная, пыльная, грязная. Лишь малая часть, прибрежная, чистая, асфальтированная, имеет современные постройки с претензией на небоскребы. Одним из таких зданий является отель «Коринтия» — визитная карточка Хартума и щедрый подарок ливийского вождя Муаммара Каддафи, в который он вложил 80 млн евро. Здание спроектировано так, чтобы оно напоминало парус корабля, парящего над Нилом. Но хартумцы оказались далеки от романтики. Не увидели в подарке ни паруса, ни корабля. Скорее, яйцо. Поэтому «Коринтию» так и прозвали в народе — «яйцом Каддафи». Особенно величественно оно смотрится ночью, когда почти весь Хартум в темени, а «Яйцо Каддафи» играет всеми цветами радуги. Меня впустили внутрь. Как и ожидалось, отель пуст. Кроме самих сотрудников, в «Коринтии» никого не было. У меня промелькнуло в голове: «Интересно, как обстоят дела в номерах с ящерицами и насекомыми?». Но сразу же ответил на своей же вопрос: «Думаю, их нет. Не потому, что здесь самый дешевый номер 190 долларов. Нет. Их нет по той простой причине, что нет людей». Ведь причинно-следственная связь проста: ящериц нет потому, что нет тараканов, а тараканов нет потому, что нет людей.

И все же самое притягательное место в Хартуме это слияние двух Ниллов. Эта географическая точка расположена прямо напротив «Коринтии» и называется Тути — место слияния Белого и Голубого Нила. Стоя здесь, можно запросто определить какой из них Белый, а какой Голубой Нил. Воды настолько разные, что сделать это несложно. Один Нил белесый, почти прозрачный, второй мутноватый с кишасами в нем водорослями. И такая цветовая гамма из «белого» и «голубого» создает четко прочерченную границу между реками. Чудное зрелище!

В Африке темнеет быстро. Любуясь двумя Нилами, я и не заметил, как солнце склонилось к закату. Я поспешил к мосту, чтобы поймать рикшу и как можно

Между Белым и Голубым Нилом прочерчены четкие границы